

С. МУРАШКОВСКИ

Концепции правды и реализма в творчестве В. Найпола

Разъясняя генезис реализма и правды в писательском творчестве, англотринидадский писатель индийского происхождения Видиадхар Сураджпрасад Найпол (род. 1932) ссылается на ранние годы жизни, когда он хотел избавиться от моделей, идущих от эстетизма конца XIX века, от «идей Блумсбери, вскормленных Империей, богатством и имперским чувством уюта»¹ — все, что он впитал, читая запоем английскую литературу в детстве на своем родном острове Тринидад.

Признание своей индийской колониальной идентичности стало для будущего писателя первым шагом в синтезе человеческого и писательского. «Давая рождение мирам, которые жили внутри»² него, В. Найпол непреднамеренно стал одной из самых противоречивых литературных фигур современности. Его обвиняли в навязчивом разоблачении упадка культуры в постколониальных странах, особенно недостатков тех народов,

которые унаследовали историю эксплуатации. Он подвергался резкой критике за реакционность и лояльность имперским ценностям. С другой стороны, В. Найпол получил положительную оценку критики за творческое использование автобиографических деталей в своих дневниках путешествий и за превращение автобиографического материала в трогательную прозу. Но и здесь не обошлось без критических замечаний, поскольку даже положительно настроенные к нему критики нашли в фигурах рассказчиков и персонажей его произведений собственные страхи и неврозы писателя. Даже виртуозная ясность его прозы, которая особо ценится читателями во многих странах, характеризовалась «доброжелателями» писателя как набор софистских приемов для распространения своих взглядов.

Главным достижением В. Найпола, который в настоящий момент проживает в граф-

стве Уилтшир в Англии, стало присуждение ему Нобелевской премии по литературе за 2001 г. и рыцарского звания, присвоенного королевой Елизаветой II в 1990 г. Награждая В. Найпола Нобелевской премией по литературе в 2001 г., Шведская академия оценила его творчество за «синтез пронизательного повествования и непреклонной честности, что заставляет нас задуматься над фактами, которые обсуждать обычно не принято»³. При этом представители Нобелевского комитета добавили, что «В. Найпол является современным философом, продолжающим традицию, которая идет от «Персидских писем» Монтескье и «Кандида» Вольтера. Бодрым стилем, который был заслуженно одобрен критиками, он упорядочивает хаос и позволяет событиям спонтанно заявлять о себе с присущим им ироническим контекстом»⁴. Подчеркивая укорененность прозы писателя в почву традиционной английской литературы, комитет также отметил родство творчества В. Найпола с автором «Сердца тьмы» Джозефом Конрадом: «Найпол — наследник Конрада как летописец судеб империй в моральном плане, в том, что они сотворили с человеческими существами. Его талант рассказчика основывается на памяти о том, что забыли другие, — истории покоренных народов»⁵.

Беллетристика В. Найпола и особенно его книги о путешествиях в свое время были подвергнуты жесткой критике за якобы пристрастное, некомплементарное изображение стран третьего мира. Авторитетный американский критик Эдвард Саид, к примеру, пытался, не скрывая раздражения, доказать, что В. Найпол «позволил себе совершенно сознательно быть обращенным в мудрость западного образца», развивая «колониальную мифологию о чернокожих и ниггерах»⁶. Такой подход к истории колониализма, по мнению Э. Саида, наиболее заметен в книге «Средний переход», который был написан В. Найполом по возвращению на Карибы после десяти лет «добровольной ссылки» в Англии, и в «Территории темноты», книге,

которая, хотя это и полемично, была названа необъективной по отношению к родине предков писателя — Индии.

В своей статье в газете «Нью-Йорк ревью ов букс» критик Джоан Дирион писала о В. Найполе: «Реальный мир дает писателю такие яркие образы, что парадоксальным образом перед этим блеском меркнут любые наши представления об этом мире. Розовая туманность бокситной пыли на первой странице романа «Партизаны» уже говорит нам очень многое о том, что мы должны знать об истории и социальном устройстве неназванного острова и о тех, ради чьей выгоды его народ эксплуатируют, и какой ценой для жизни острова эта выгода достигалась на протяжении истории. Но вся эта имплицитная информация бледнеет перед лицом реального физического факта — пеленой ядовитой пыли... Мир, о котором пишет В. Найпол, существует отнюдь не в вакууме. Это мир, вмещающий в себя огромное количество физических и социальных феноменов, реальный в своей жестокости, со всеми сложностями и противоречиями человеческих стремлений. Художественный мир В. Найпола сложен потому, что одним из важнейших его измерений является романтический взгляд на мир в условиях почти невыносимого напряжения между идеальным и материальным»⁷.

Писатель неоднократно подвергался критике за то, что в некоторых публицистических книгах пишет об исламе, откровенно указывая порой на негативные факты фундаменталистского характера, ведущие к фанатизму и бесчеловечности, указывая на парадокс отсутствия в такой среде искренней религиозной веры. В силу этого писатель остается персоной нон грата в некоторых мусульманских странах за жесткую критику их внутренних порядков (эссе «Среди правоверных»). Писатель подвергался критике и со стороны друзей, соратников. В 1998 г. были опубликованы крайне полемичные мемуары Пола Теру, который в течение долгих лет был учеником и секретарем В. Найпола, озаглавленные «Тень сэра Найпола»⁸. Тем

не менее еще в 1971 г. В. Найпол стал первым писателем индийского происхождения, который был удостоен Букеровской премии за роман «В свободном состоянии». Творчество В. Найпола можно подразделить на литературу художественную (романы, повести, рассказы) и «нон-фикшн» — документальную (публицистическая проза, репортажи о путешествиях и т. д.) В. Найпол — автор около полутора десятка романов, публицистических и документальных произведений.

Необходимо упомянуть нескольких западных критиков, которые пытаются сделать акцент не на художественном, а на социально-политическом контексте творчества В. Найпола. Среди них — С. Каджоу, подвергающий творчество В. Найпола «материалистическому прочтению» (именно таков подзаголовок его книги о писателе), который ссылается на «имперский уклон»⁹ произведений писателя и вообще рассматривает его как апологета неокolonialизма. Другой критик Р. Никсон в книге «Лондон зовет: В. С. Найпол — постколониальный мандарин» анализирует риторические приемы травелогов¹⁰ писателя с тем, чтобы найти доказательства «идеализации образов имперской Англии»¹¹, особенно викторианского периода, результатом чего становится «тональность чрезвычайного превосходства над другими»¹².

В своих рецензиях на произведения В. Найпола исследователь Ф. Мустафа говорит об «искаженном восприятии мира и некорректных высказываниях» В. Найпола о странах третьего мира. Но в то же время критик дает высокую оценку «того образцового места, которое заняли произведения писателя в истории литературы конца XX века»¹³. Как и известный теоретик постколониальной литературы Х. Бхаба, Ф. Мустафа несколько преувеличивает значение того влияния, которое оказал на творчество В. Найпола Джозеф Конрад, и в особенности его роман «Сердце тьмы». В качестве единственного источника для доказательств он берет короткий очерк «Тьма Конрада»¹⁴, в котором В. Найпол рассказывает о своем

прочтении произведений Дж. Конрада в юности. При этом Ф. Мустафа пытается из единичного создать закономерное, превращая впечатления молодого, подающего надежды писателя в ценностные установки человека, «который приезжает в Англию как будто в некое чисто литературное пространство, где вдалеке от исторических волнений и своих корней можно строить романтическую карьеру писателя»¹⁵.

Не все критики склонны проводить резкую границу между публицистикой и прозой В. Найпола. Так, Л. Федер в своей книге «Правда В. Найпола» отмечает следующее: «Задолго до того, как “размывание границ жанров” стало определенным направлением в литературе, В. Найпол создавал то, что лучше всего можно было бы назвать “слиянием жанров”»¹⁶. Исследуя творчество В. Найпола как единое целое, Л. Федер приходит к выводу, что писатель был прав, когда как-то сказал, что он всю жизнь пишет «одну большую книгу»¹⁷ прозы и публицистики, которая противостоит разладу между его происхождением и всем последующим жизненным опытом. Статьи, травелоги, художественная проза В. Найпола расширяют этот опыт, превращая его в один большой нарратив о людях, которые пытаются приспособиться к условиям своего особого мира — двойственного даже в те моменты, когда он кажется устойчивым, угрожающим твоему «я», являющемуся одновременно и продуктом, и противником любого примирения.

В творчестве В. Найпола развитие внутреннего мира, реального или выдуманного, превращается в непрерывный процесс, который иногда ясен только в подтексте, в котором растворены детали автобиографии, журналистики и беллетристики. Примечательно, что подспудные нарративы зачастую выражаются в прямом действии, диалогах, очень часто в акте литературного творчества, которое помогает индивиду воссоздать себя в контексте новых жизненных обстоятельств, зачастую вопреки сопротивлению общества и истории. Писатель изображает картину современной истории как через

приватные сюжеты, так и через судьбы целых сообществ.

В прозе В. Найпола обращает на себя внимание прежде всего полифония голосов рассказчиков, ведущих повествование, и порой затруднительно дать идентичности говорящего какую-либо достаточно четкую литературоведческую характеристику. Даже когда его рассказчик кажется всеведущим, развитие характера в его социальных связях демонстрирует, что знание это пришло не свыше, а было заработано в результате мучительного поиска своего «я». Когда же рассказчик кажется «ненадежным», его мотивации заслуживают доверия, а его туманное будущее вселяет надежды. В некоторых произведениях, к примеру в романе «Партизаны» (повествование от третьего лица) или в «Загадке прибытия» (повествование от первого лица), «имплицитный автор» в процессе нарратива скорее открывает вновь, нежели устанавливает «нормы творчества»¹⁸. Для произведений В. Найпола, вероятно, подходит иной термин. Скорее всего, рассказчик во многих его произведениях — исследователь, который выискивает скрытые значения событий, будучи в плену твердых границ неумолимой реальности.

Не случайно и частое обращение В. Найпола к реалиям и сюжетам античности. Сам писатель отмечал, что изучение истории Древнего Рима стало «самой живой частью»¹⁹ его формального образования. В школе во время занятий, проходивших по британскому образцу, он впитывал историю римской литературы, и, без сомнения, для него позже не представляло труда сплавлять артефакты античности с образом Индии, «ее великой цивилизации и великого классического прошлого»²⁰. Это сходство оказалось иллюзорным, когда писатель впервые приехал в Индию, но историческому Риму суждено было стать многоаспектной аллюзией, расширяющей картину культурных связей персонажей и рассказчиков его прозаических произведений. Многочисленные ссылки в произведениях В. Найпола на историю Древнего Рима и латинскую литературу —

краткие, но многозначные — передают все более усложняющиеся в процессе эволюции его творчества идеи временной удаленности и одновременного присутствия прошлого в современной истории, культуре и личной судьбе, которые неизбежно оказываются взаимосвязанными. Одна строчка из «Энеиды» для писателя способна дать жизнь интенсивному эмоциональному опыту. В другом случае эпитафия из Тацита помогает истолковать хитрые, коварные, тайные механизмы колониализма. В. Найпол обнаруживает свое сходство образа мысли с древнеримским писателем и историком не только в цитатах по поводу древнего культа Венеры на Пафосе, но также и в том, как современный писатель изображает исторические события через анализ характеров и поступков людей, вовлеченных в них. Эпитафия из Полибия предвосхищает интерес В. Найпола к теме ислама. В Африке «колонизальные руины Стэнливила, ныне Кисангани»²¹ напоминают ему об опустошительных походах римлян. Но Рим также дает писателю примеры «пщеты» — суровой скорби, оплакивания — сравнимые по напряжению с духовностью, присущей индуистскому ритуалу.

В 1975 г. В. Найпол говорил, что индийцам в отношении к своему прошлому следует «возродить нечто подобное, что было в Европе во времена Ренессанса, когда новую жизнь обрела античность»²². В. Найпол, как и Фустель де Кулань, чью книгу «Древний город»²³ он прочитал с большим энтузиазмом, настаивает на «признании прошлого именно как прошлого», но тем не менее он подчеркивает необходимость «понимания всех сторон нашего культурного образования»²⁴. Классическая античность и индуизм как исторические и эмоциональные референты очень часто пересекаются в жизни писателя.

Особое место в творчестве В. Найпола занимает тема взаимоотношения восточной и западной цивилизаций, происходящий между ними интенсивный межкультурный диалог. Известная в академических кругах лекция писателя «Наша единая цивилиза-

ция»²⁵, опубликованная в виде статьи, не содержит теоретических объединительных идей, скорее в ней анализируются несовместимые понятия, относящиеся в личной, исторической и культурной сферам жизни, которые подразумеваются в заглавии. Естественно, идея универсальной цивилизации может быть использована для оправдания колониализма, «ноши белого человека» в XIX веке и в настоящее время. Именно так, как пишет С. Хантингтон, эта идея влияет на «западное культурное доминирование над другими сообществами, заставляя порой имитировать западный опыт и западные институты»²⁶.

Однажды В. Найпол сказал: «Автобиография может исказить картину человеческой жизни. Факты легко подтасовать. Но проза никогда не лжет, она полностью показывает писателя изнутри»²⁷. Так, в книге «Среди верующих»²⁸, его проза высвечивает не только фигуру писателя. Ссылаясь на впечатления от романа Нахида Рашлина «Иностранец», повествователь отмечает: «Люди могут прятаться за прямыми утверждениями; проза, несмотря на свои окольные пути, наоборот, высвечивает скрытые импульсы»²⁹. Вспоминая годы работы над «Домом для господина Бисваса», писатель говорит, что в процессе написания «роман начинал диктовать свою собственную правду», и для автора «чудо прозы пряталось в непредвиденных истинах, которые раскрывает воображение»³⁰. Эти и другие комментарии по поводу секретов романистики, а также болезненное восприятие персонажами этих истин должны быть приняты во внимание, когда сталкиваешься с парадоксальными заявлениями писателя в печати, к примеру с таким, которое В. Найпол сделал в газете «Обсервер» в 1996 г. Тогда он сказал, что роман не представляет ценности как форма с конца XIX века. Это замечание блестяще парировал Салман Рушди, защищая жанр романа в «Нью-Йоркере» в 1996 г., когда он заявил, что если В. Найпол больше не желает или не способен писать романы, это наша общая потеря³¹. Противоречивые заявления В. Най-

пола фактически отображают и круг тем, и поиски в области формы, которые характерны для его прозы на протяжении всей карьеры.

Пренебрежение, с которым В. Найпол отзывается о «придуманных рассказах», не такое уж оригинальное, как может показаться. В 1979 г. он считал, что «романы о жизни в Лондоне» и «страданиях людей в его пригородах» мало интересны. Им не хватает качества «нестабильности», которое он ценит в прозе³². Долгое время В. Найпол считал роман «формой социального расследования»³³, в которую он переносил репортерские впечатления от реальных, посещенных им мест и пережитых событий. Разнообразными, сложными путями его герои усваивают наследие эпохи рабства и колониализма и реагируют на каждый новый «прилив истории»³⁴.

Замечание С. Рушди о том, что В. Найпол в настоящее время как писатель находится на острие исторического процесса, создавая новую литературу — «литературу факта»³⁵, имело крайне положительное влияние на творчество писателя. В его последних романах — «Загадке прибытия» и «Пути в мире», как и во многих более ранних, в одно целое сливаются исторический факт, автобиография и вымысел. Однако приемы писателя в объединении всех этих компонентов — передний край его деятельности как художника. Упор при этом он делает на автобиографическое, которое обрело качество прозрачности и является теперь главным проводником правды. И именно из автобиографического, укорененного в истории, древней и современной, политической и культурной, появилась личность писателя.

¹ Hussein A. Delivering the Truth. An Interview with V. S. Naipaul // Times Literary Supplement. 1994. September, 2. P. 3.

² Naipaul V. S. The Enigma of Arrival. N. Y., 1987. P. 146.

³ <http://www.postcolonialweb.org/caribbean/naipaul/said.html>

⁴ Ibid.

- ⁵ Ibid.
- ⁶ <http://www.postcolonialweb.org/caribbean/naipaul/said.html>
- ⁷ Didion J. Naipaul's Works // New York Review of Books. 1990. April. P. 17.
- ⁸ Theroux P. Sir Vidia's Shadow : A Friendship across Five Continents. N. Y., 1998.
- ⁹ Cudjoe S. V. S. Naipaul : A Materialist Reading. Amherst, 1988. P. 191.
- ¹⁰ Травелог (англ. travelogue, от travel — путешествие) — повествование или лекция о путешествии, зачастую в сопровождении иллюстраций, географических карт и т. д.
- ¹¹ Nixon R. London Calling : V. S. Naipaul, Postcolonial Mandarin. N. Y., 1992. P. 37.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Mustafa F. V. S. Naipaul. N. Y., 1995. P. 1–2.
- ¹⁴ Naipaul V. S. Conrad's Darkness (1974) // The Return of Eva Peron. N. Y., 1981.
- ¹⁵ Mustafa F. Op. cit. P. 21.
- ¹⁶ Feder L. Naipaul's Truth. N. Y., 2001. P. 8.
- ¹⁷ The Novelist V. S. Naipaul Talks about His Work to Ronald Bryden // The Listener. 1973. March, 22. P. 367.
- ¹⁸ Booth W. The Rhetoric of Fiction. Chicago, 1961.
- ¹⁹ Naipaul V. S. Prologue to an Autobiography // Finding the Center: Two Narratives. N. Y., 1984. P. 46.
- ²⁰ Naipaul V. S. India: A Million Mutinies Now. N. Y., 1990. P. 8.
- ²¹ Naipaul V. S. A Congo Diary. Los Angeles, 1980, P. 23–24.
- ²² Naipaul V. S. Introduction // East Indians in the Caribbean : Colonialism and the Struggle for Identity. N. Y., 1982. P. 6.
- ²³ Фустьель де Кулань Н. Д. (1830–1889) — французский историк, автор известной книги «Древний город» (1864) о роли религии в социально-политической жизни древней Греции и Рима.
- ²⁴ Naipaul V. S. Introduction. P. 6.
- ²⁵ Naipaul V. S. Our Universal Civilization // The New York Review of Books. 1991. January, 31.
- ²⁶ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996. P. 66.
- ²⁷ Naipaul V. S. Michael X and the Black Power Killings in Trinidad // Naipaul V. S. The Return of Eva Peron and the Killings in Trinidad. N. Y., 1980. P. 67.
- ²⁸ Naipaul V. S. Among the Believers: An Islamic Journey. N. Y., 1981.
- ²⁹ Ibid. P. 98.
- ³⁰ Naipaul V. S. Writing «A House for Mr. Biswas» // The New York Review of Books. 1983. November, 24. P. 22–23.
- ³¹ См.: Feder L. Op. cit.
- ³² Mukherjee B., Boyers R. A Conversation with V. S. Naipaul (May, 1979) // Salmagundi, 1981. № 54. P. 11.
- ³³ Naipaul V. S. India: A Wounded Civilization. N. Y., 1978. P. 10.
- ³⁴ Naipaul V. S. A Bend in the River. L., 1979.
- ³⁵ Rushdie S. Imaginary Homelands. N. Y., 1992. P. 71.